

Его имя известно не очень широкому кругу читателей, но сегодня это ни о чём не говорит, если писатель сам не занимается собственным продвижением. Владислав Огарков не занимается.

Начинал он, как это было свойственно многим в минувшем веке. В середине 1980-х годов появился в редакции художественной литературы Восточно-Сибирского книжного издательства — готовился сборник прозы под названием «Грибное воскресенье» по итогам областной конференции «Молодость. Творчество. Современность», которая раз в два-три года проходила в Доме литераторов им. П.П. Петрова. Огарков стал лауреатом этой конференции. После редакторского отбора его повесть «Пороги» была принята к изданию. Вслед за нею пошли публикации и в альманахе «Сибирь».

По жанру это была очерковая проза, в немалой степени путевая, навеянная общением с природой. Можно сказать, Огарков изначально двигался в русле М. Пришвина, В. Арсеньева, Г. Федосеева, нащупывая собственную тропу.

Однако в 1990-е годы творчество было прервано по причине необходимости бросить все силы на заботу о хлебе насущном. И здесь придётся отвлечься от литературы.

В конце 80-х подули ветра в не очень понятную сторону. В северном Усть-Илимске поселилась тревога за будущее, и не напрасно: через несколько лет молодые промышленные города начнут превращаться в депрессивные, и многие семьи, обеспокоенные судьбой подрастающих детей, будут вынуждены их покинуть. Огарковым удалось поменять усть-илимскую квартиру на иркутскую, продать дачу и приобрести дом с огородом в Шаманке. Здесь и настигли перемены. Последовало самое трудное — переход на новые способы зарабатывания денег. Многие главы семейств растерялись, потеря работы ввергла в уныние и бедность, исходы были самые плачевные. Но Владислав Огарков оказался крепким орешком. И это удивительно, потому что крепостью здоровья он не отличался.

Не могу не вспомнить ту первую встречу с начинающим автором в редакции издательства (мне довелось там работать), когда, увидев, какими резкими ломаными движениями сопровождается его ходьба, невольно подумала: человеку с таким недугом литература, пожалуй, самое подходящее занятие — другое попросту может быть недоступно. И как же все мы были поражены, узнав из его очерков, что он сам участник походов по лесам и горам, сплавов по рекам и сопутствующих тому приключений!

В Иркутске устйлимец занялся резьбой по дереву (берёзовому капу), освоил изделия из берёсты. Плоды своего труда, присовокупив к ним поделки из камней-самоцветов, недавний турист продавал другим туристам, прибывающим на Байкал. Семья обустроилась, жена, учительница русского языка и литературы, как могла помогала, дочери окончили один из иркутских вузов.

Огарков вернулся в литературу. Государственное издательство к тому времени окончило свои дни, книга «Бадарма», с которой он в начале 2010-х годов пришёл

в Дом литераторов, была выпущена способом самиздата, тиражом в 500 экземпляров. В 2015 году Огарков вступил в Союз писателей России.

Ныне книги выходят одна за другой таким же образом (за счёт средств автора, как я понимаю), в Иркутске. Все они составляют, по сути, жизнеописание, которое ведётся от первого лица. Хронология не выдержана, но биография выстроена: послевоенное детство на Дальнем Востоке; юность в Эстонии, ранняя самостоятельность; встреча с Усть-Илимом, покорение Ангары, притяжение сибирской природы, таёжное братство, превращение туриста в дачника-земледелца. Далее — новое перестроечное время, опыт выживания, возвращение к природе, творчеству.

В этих книгах жизнь — как непрерывное, неуёмное движение. В своё время оно стало для мальчика, ослабленного тяжёлой формой рахита, целебным средством, постепенно превратилось в потребность, в источник радости. Возможность двигаться в пространстве одаривала возможностью видеть, слышать, ощущать окружающий мир, и прежде всего мир природы. Пройти ради этого километры на лыжах по зимнему лесу, проплыть на плоту по порожиистой реке, подняться в горы, — чтобы захватило дух перед небывалой красотой и мощью и ещё больше захотелось идти вперёд!

Но чтобы освоиться в мире природы, необходимо освоить разные умения: не мешкая разжечь костёр в любую погоду, соорудить нехитрое убежище от дождя, наудить рыбы или подстрелить рябчика к ужину — всем этим Огаркову удалось овладеть. А ещё — по ходу движения — приобрести строительные навыки и возвести дачный домик, доказать медикам, что можешь управлять «Запорожцем», стать резчиком по дереву и вообще научиться отвечать на любые, как принято говорить, вызовы времени.

Стремительная линия судьбы была задана в Советской тогда ещё Эстонии, где после Великой Отечественной решил обосноваться отец, военный лётчик. Страницы «Историй из рюкзака» — это страницы вступления во взрослую жизнь пятнадцатилетнего подростка, которого (так вышло) к этому времени оставили родители. Учёба в Таллиннском строительном-механическом техникуме, полуголодная жизнь на стипендию, первые заработанные деньги, заинтересовавшие компанию приятелей-бездельников; драка в общежитии, арест на пятнадцать суток, исключение из техникума. Судьба накренилась в опасную сторону. Но перевесило другое: потянули лесные и горные дали, друзья по лыжным походам вновь позвали к себе. Как он напишет спустя годы, «сел в трамвай и всего за три копейки поехал в новую жизнь», получив от старой стойкий иммунитет к тюремной романтике, к модному ныне эковскому «шансону».

Восстановился в техникуме, по окончании поступил на таллиннский завод «Ильмарине». Здесь же испытал первое сильное чувство. Искренние, чистые отношения заходят в тупик, бывшая однокурсница — замужняя женщина. Выход подсказал дух времени: рюкзак за спину, чемодан в одну руку, гитару в другую, и поезд мчит в Сибирь, на строительство Усть-Илимской ГЭС.

«Это был новый мир, огромный, как небо, мир с новыми людьми и новыми событиями. Меня приглашали войти в этот мир — сбывалось то, о чём прежде мечтал...» — напишет он в «Историях из рюкзака». Глава «Перекрытие Ангары» запечатлеет общую радость от завершения грандиозного действия, гордость за причастность к этому действию и за свою страну.

Владислав Огарков приехал в Усть-Илим¹ вместе с теми, кого было принято называть покорителями природы. Но в свободное от подготовки к усмирению Ангары время молодые строители бросились пробивать тропы в нетронутой тайге. И были покорены ею. Владислав охотно присоединился: он как раз окончил школу туризма в Таллиннском спортклубе.

Страницы «Бадармы» полны жадного узнавания сибирской природы. Обратимся к ним, но предупреждаю: разговор будет то и дело сбиваться на биографию автора — реальные сюжеты теснят литературу.

В повести, давшей название книге, речь идёт о сплаве на плоту типа катамаран по Бадарме, притоку Ангары, в мае месяце, по-северному холодном. Автор (он же рассказчик) предложил друзьям пройти по «лихой речке» и был поддержан с воодушевлением. Однако в итоге желающих осталось всего двое: рассказчик и девушка Геля, то есть Ангелина. Друг Витя, первый, с кем договорился, «надёжный как лом», внезапно отказался, сославшись на срочную работу. Геля же, напротив, настаивала на сплаве с упорством новичка, жаждущего неизведанных ощущений. Ей было поставлено условие: они поплывут, если она найдёт третьего. И она нашла — Николая, крепкого парня родом из морского города Одессы.

Поначалу путешествие протекало без обещанных трудностей, но вот надвинулись берега с отвесными скалами, показались камни на перекатах, наконец, явился порог с приличным перепадом высот. И вот плот летит вниз, погружая тройку отважных с головой в воду. Испытав чувство полёта в пропасть, экипаж остался на борту и выплыл.

Восторг от удачи постепенно уступил место унынию. Купание в ледяной воде совпало с дождём — ни обсохнуть, ни отогреться. Когда, после нескольких застреваний на камнях, сплав по Бадарме был завершён и плот вошёл в Ангару, Геля наотрез отказалась плыть дальше. Главную задачу они выполнили — прошли Бадарму, и остаток пути (30 км!) она решила пройти пешком. Доводы капитана о том, что путь на плоту до Усть-Илима будет быстрее, успеха не имели, Геля и Николай («нельзя же отпускать её одну!») отправляются по суше. Дальше капитан плывёт в одиночестве.

Время — ночь, «всё мокрое, тёмное и холодное», к тому же одолевает сон. При этом часто попадают «каменные бычки», от которых надо успевать увернуться. Но всё преодолено, и смертельно усталый покоритель рек под утро сваливается на общежитскую койку. На работу, как ни стремился, опоздал — даже редактор газеты добудиться его не смог.

Мысль о предательстве друзей мелькает, но не задерживается в голове рассказчика. Ведь сам отказался идти: не захотел бросать катамаран вдали от города (судно было «общественным»). Это одно. Другое — возникли некоторые догадки. О том, что не случайно Ангелина и Николай остались вдвоём: «им надо было решить то, что уж давно решилось на небесах. Родилась ещё одна крепкая семья, родились новые жизни, и не придумать ничего лучше этого». А ведь образ Гели написан нежным пером: рассказчику казалось, их связывает нечто чуть большее, чем дружба... И никакого осуждения, зависти!..

Никакой обиды и на Витю. Первая неловкость при встрече прошла, как только Витя задал вопрос: «Где твоё судно?» и стал расспрашивать о сплаве, увлекая дру-

¹Первоначальное название города, позднее — Усть-Илимск.

га в поток неостывших переживаний. Витя искупил своё отступничество тем, что, найдя напарника, повторил путь по тому же маршруту. И друг простил, оценив этот поступок как победу Вити над собой, что важнее обиды...

Повесть «Бадарма» задаёт тон последующим рассказам на тему природы.

Они проникнуты сочувствием, великодушием по отношению ко всему живому. К мышке, забравшейся в спальник, чтобы согреться возле человека, к малышу кедрёнку, которому надо помочь распрямиться, к юной осинке, которую нельзя пустить на дрова, поскольку она возрождается из палки: срубленная для строительных нужд и прислонённая к зимовью, чудом пускает корешок в землю...

Нельзя сказать, что Огарков, любя тайгу, не интересуется её дарами. Отнюдь — он грибник и ягодник, рыбак и охотник. Но эти занятия ограничены пределами нужд семейного масштаба. Что касается крупного зверя — на его жизнь он и не посягает, ограничиваясь рябчиками и глухарями.

Замечу, понятие «турист» применительно к Огаркову, да и к отечественному туризму вообще, требует оговорки. Не редкость, когда спортивное начало постепенно уступает место другому — в путешественнике пробуждается первопроходец, натуралист и даже до некоторой степени философ. Видимо, тому способствуют огромные пространства с разными климатическими поясами, с преобладанием севера, студёного и притягательного, где жизнь хрупка, беззащитна и требует от человека постоянного напряжения. В то же время самостийно живущая природа влечёт мечтой о воле, избавлении от изматывающих забот об «уровне жизни», приучает обходиться малым.

В одном из рассказов книги «Бадарма» Огарков полушутя рассуждает о лени, сравнивая мужскую половину с самцами животных (кошачий пример перед глазами), о намерении построить избушку в лесу, дабы предаваться отдыху вдали от домочадцев. С юмором описана изобретательность при заготовке брёвен и прочие труды (в одиночку), и вот итог: «Госпожа Лень, для которой я так старался... — здесь не прижилась». Вернулась в благоустроенную квартиру: там комфортней («Жилищный вопрос»).

Во всём, что открывает Огарков в природном и человеческом мире, лежит его опыт — всегда личный, и мнение всегда собственное, не заёмное, потому его книги читать интересно, а наблюдения вызывают доверие. «Гораздо крепче те убеждения, что не навязаны извне, но сами родились из тебя», считает автор, и доказательств тому даёт немало. Так, строчка «Высшая радость — это когда ты не один» появилась после восхождения в горы, где группа, ведомая рассказчиком, едва не сбилась с пути («На столбы»). А вот слова из книги «Истории из рюкзака»: «Ты споткнулся, упал на колени? Тебе больно?.. Но не ной и не жалуйся, не теряй на это время» — их не надо принимать за избитое назидание. Это вынесено из детства, когда школьник, освобождённый от занятий по физкультуре, где требовалось бегать и ходить на лыжах, начинает усиленно тренироваться. Результат таков: стал победителем по количеству приседаний на одной ноге (было такое соревнование), получил третий спортивный разряд по лыжным гонкам («Пинг-понг»).

Книга «Кусочек счастья» посвящена даче. Всё построено своими руками, разумеется. Помощники — друг Витя, который, само собой, стал соседом, да жена Катя. Материалы — частью из тайги, частью с городской свалки.

Кусочек пространства в шесть соток и стал кусочком счастья. Это счастье — от удовольствия работать на своей земле, видеть, как дети приобщаются к труду.

Здесь же, наблюдая за глухаркой, которая вынужденно устроила гнездо в горелом пне по соседству с людьми, а потом уводит птенцов подальше в тайгу, автор размышляет о том, что звери и птицы не бросают своих детей, в отличие от современного человека, который не спешит обзаводиться ими, видя в них помеху для наслаждения жизнью. Как будто между прочим, но ёмко звучит фраза: «В те годы, когда корчевались деревья, мы по-другому смотрели на жизнь, и дети были желанны» («Глухарка»).

В книге немало заметок «по ходу мускульного труда». О том, как он полезен для умственной работы; о том, что руки должны уметь всё — «держат карандаш и держат топор. Последнее особенно важно», потому что «дом для человека... — как храм для верующего. Святое место, где человеку всегда хорошо»; о том, как важна артельная работа, «когда все вместе, одной упряжкой тянут тяжелогружённый воз... всегда жизнь на том держалась по всей Руси...». И какая охватывает радость, когда «ребром ладони проводишь по тёплой, разрыхлённой земле», делая бороздку для семян!

А сколько проверок на прочность в этом, по первому взгляду обыкновенном и привычном, житейском быту!

Вот по вине подгулявшей компании на даче вспыхивает пожар, и два друга-дачника до поздней ночи борются с огнём, не жалея сил. Однако радость победы была недолгой: пал, спрятавшийся в торфяных болотах, оказался «долгоиграющим», и через несколько дней выгоревшая пустыня с кучей золы вместо штабеля отличных брёвен для дома предстала перед хозяином участка, свергнув его в полное отчаянье. Прийти в себя помог «огородик размером с кровать», на котором выросло около ведра картошки, посаженной перед пожаром.

Захватывающие страницы посвящены покупке машины марки «Запорожец» и перегону её из Братска в Усть-Илим. Поражает образ таксиста «с надёжным голосом и именем Иван», бескорыстно спасающего неопытного автомобилиста. Это происходит дважды, и в такое везение невозможно поверить, не будь оно правдой.

Историю, напоминающую триллер (ночь, дождь, переходящий в снег, мотор, заглохший на подъёме, безлюдная трасса) повествователь заключает словами: «Участие ангела-хранителя — единственно возможное объяснение случившегося... это утверждение человека, много пережившего, готового ответить за каждое своё слово». И ещё, очень важное: «Добрых людей и сегодня достаточно много, несмотря на смутные для России времена... Но мы знаем о том мало, потому что доброта не кричит о себе... Охотников сражаться за неё — единицы... Но придёт время, и мы поймём, дойдём, одумаемся...» («Запорожец»).

Несколько слов на тему художественности повествований Огаркова. Нельзя сказать о чёткости в выборе жанра, стиливой определённости. В целом, как уже было замечено, это очерковая проза. Та же книга «Кусочек счастья», названная повестью, состоит из глав-рассказов, среди которых встречаются и главы-очерки, например, «Дом в душе» — о затоплении деревень при строительстве Усть-Илимской ГЭС, или «Глинский» — о «знатоке и умельце всяких дел»; описателен рассказ (скорее всё-таки рассказ) «Петька», родственник «Глинскому».

Это происходит оттого, что автор пишет свою историю не только словом, но и делом, поступком, движением, настроением — всем тем, что задаёт сама судьба и ведёт за собой автора. Точнее, наверное, сказать так: есть сопротивление избыточного, живого и потому непредсказуемого материала, который не успевает уложиться в законченную форму. Возможно, это род эссе. Но жанр эссе нередко

маскирует пустоту, позволяя кружить возле мелочей, не заслуживающих внимания, а здесь таковых нет. Недочётом можно считать порой излишнее увлечение насмешливо-ироничной интонацией — из опасения, очевидно, вызвать у читателя скуку. Например, в главе «Тяга» из «Кусочка счастья», где слишком много места уделено атаке «комариных войск» на нос рассказчика.

Следует отметить бóльшую цельность двух последних по времени книг: сборника рассказов «Hello, дружище!» и сборника рассказов и миниатюр «Лесной аквариум».

Безусловно, присутствует такая черта, как поэтичность — особенно в зарисовках с натуры. И сочетается она с плотностью фактического и смыслового содержания.

В книге «Лесной аквариум» 2018 года привольно дышит уютный таёжный мир². Открываю наугад «Рябиновый вальс» и читаю про то, как охотник после Покрова набрёл на редкую в тайге рябиновую рощицу. «Будто случайно вошёл в чистую девичью комнату, небритый, в грязных болотниках, да ещё и с ружьём... Полновесные кисти рябин, согласно сезону, одеты в пушистые белые шапочки. Стою и дивлюсь на кружева, сплетённые из веток, красных ягод и невесомого снега. И всё это вписано в синий холст неба... Даже музыка слышится. Вальс? Да, конечно, вальс».

Среди пейзажных миниатюр можно назвать и «Пробуждение» — о «робком прикосновении идущего на Север тепла», и «Звёздную пыль» — о том, как падают в начале весны с деревьев снежные комья, рассыпаясь на радужные снежинки-блёстки, и «Поющую чашу» — о распадке, похожем на «гигантскую чашу с деревьями, родниками, ручьями, всякой живностью», наполненную многоголосием.

А вот сценка с муравьём во время обеда грибника. В ней удалось схватить момент принятия решения одним из мельчайших существ на свете — муравьём. Обнаружив на газете крохотный обрезок колбасы и помедлив, словно прикидывая, как его взять, он вцепляется в добычу челюстями и тащит её задним ходом, пятясь. Дальше — драма. «Впереди ожидал удар судьбы... На пути лежал большой железный нож... Как тут быть? Судьба, однако, смилостивилась. Сверху опустилась неведомая рука, убрала нож — и путь открылся. А вот и край газеты...» «Господи, до чего мы все похожи!» — заключает автор («Труженик»).

В каждой миниатюре что-то есть: картины природы соседствуют с описанием повадок лесных жителей, с настоящей инструкцией, как разгнать среди зимы «умный костёр» под названием «нодья», с сопутствующими наблюдениями не только о лесной жизни.

* * *

Можно ещё долго приводить этюды, лирические, познавательные и поучительные, но пора вырваться из плена живописной реальности и обратиться к отвлечённой материи — мировоззрению писателя. Известно: русский писатель никогда не оставался равнодушным к тому, что происходит в стране и мире.

Для Владислава Огаркова, человека, привыкшего преодолевать себя и внешние препятствия, характерен критический взгляд на действительность. Если го-

²Книжка под заголовком «Лесной аквариум» впервые вышла давно и небольшим тиражом. Автор посчитал её чем-то вроде пробного выпуска. В новом издании повторилось лишь название и несколько заново доработанных зарисовок.

ворить о советском времени, в котором сформировался прозаик, можно заметить: он шёл вместе со страной СССР к светлому будущему, если оно совпадало с его личным представлением о светлом будущем. Но совпадало не всегда, о чём можно судить по некоторым высказываниям. В них мелькают такие слова о минувшей эпохе, как «лживость лозунгов», «кровь», «несправедливость», «страх», «стукачи» и проч. Пики в прошлое посылались ещё недавно, но как оружие они устарили и не способны вызвать даже спора. К тому же Огарков спорит сам с собой, когда признаёт, что советский человек сумел сохранить душу, тянулся к высокому искусству, был добрее и общительнее, чем ныне.

А как насчёт патриотизма? Отторгаемый в 90-е годы, теперь он как будто возвращается и уже зазвучал в призывах президента.

Огарков, безусловно, патриот. Иначе смог ли бы он так писать о Сибири? И о России — как в главе «Попутчики» («Истории из рюкзака»). Тема родины возникает по ходу поезда, в разговоре со старушкой, едущей из городка Любима в Сибирь навестить сыновей: «Рассказал о себе. В ответ услышал великое множество интересного из старой жизни, забытой и неизвестной. То была Россия, в которой жили наши отцы и деды. Дохнуло родным духом, тёплым хлебом, речью Пушкина, сказками Арины Родионовны. Будто вошёл в уютную, давно обжитую избушку».

С детства в нас, рождённых в середине XX века, живут два слова, слитые воедино: Родина-мать. Но живут по-разному. Огарков помимо всех трудностей претерпел испытание несколько странной родительской любовью, с ранних лет переживая оставленность, одиночество — почитайте «Кузькину страну», «Истории из рюкзака», и вы увидите это за скупыми строчками. Может, отсюда та колючесть во взгляде, когда герой-повествователь наталкивается на формализм, демагогию, чиновничье бездушие.

Суровой, если не сказать жестокой проверкой патриотизма для многих стали 90-е годы. Часть наших сограждан просто уехала из России от безработицы. Огарков не уехал. Как мог спасал себя, свою семью. И не худшим способом. Он как раз занялся правильным бизнесом — не спекуляцией, а производством: своими руками мастерил поделки из дерева, а не переправлял, как другие, отборный кругляк в Китай. Кого как не таких тружеников должно поддерживать государство? Но с этим заминка до сей поры. Поддержали туристы-иностранцы, охочие до ручкодельной диковинки. Именно они стали покупателями его продукции: соотечественникам в те поры и на хлеб насущный денег не хватало.

Об этом книга «Hello, дружище!». Наблюдая за хлынувшими со всего света на Байкал туристами, Огарков пытается быть объективным, замечая, например, что «далеко не все они, люди "оттуда", хороши и приветливы. Как и мы». Тем не менее, он не против их появления, сравнения по большей части идут не в пользу России, особенно её правителей.

Документом времени можно назвать рассказ-очерк «Тояма Токанава». Он о том, как его, мастера по бересте, в которого превратился литератор, разыскала в Шаманке японская фирма. Сама, подчеркнём, без хлопот с его стороны. И сделала три оптовых заказа. Любопытны детали сделки: первый договор — на простой бумаге (не на фирменном бланке), два последующих — на словах, то есть на доверии. Разговор строго по делу. После третьего заказа и полного расчёта фирма на связь не вышла. Внутренние причины остановили, внешние ли, неясно. Но остался ошутимый результат: на японские деньги был куплен новый «Запорожец»!

В рассказе отражены характерные подробности самодельного производства: мастеру помогает вся семья, строгают и режут кустарно сработанный и опасный для рук станок, купленный у такого же народного умельца. Красноречивые приметы, какого уровня капитализм явился в Россию!

Признаться, во мне возникло чувство гордости за моего земляка. За то что выстоял, выучился новому делу, что продолжил исконно русское ремесло, которое, как и прежде, восхищает чужие далёкие страны.

Но и эта полоса пройдена, осталась на книжных страницах. Жить можно, однако реалии перестроенной России радуют мало.

В «Кусочке счастья», «Историях из рюкзака» звучат тревожные, а то и горькие фразы с трезвой оценкой происходящего. «...Из недоразвитого социализма мы вдруг сунулись в капитализм и сильно обожглись при этом»; «Всё чаще среди нас встречаются (или их уже большинство?) люди с врождённой патологией, у кого в груди вместо сердца трепещет кошёлёк»; «Увы, созидательный труд и творчество уходят... Перепродаём ценности, созданные в других странах. Сами создаём ничтожно мало... А где достижения?»; «Заглянем в информационное поле... — очередное убийство, мордобой, грабёж, пожары и наводнения...». В итоге встаёт вопрос: «Нужно ли нам такое общество, где большинство людей жуёт, а более активное меньшинство их развлекает?».

Но есть вопрос и более неудобный: кто виноват в том, что «душа... куда-то уходит и прячется сегодня? Кто должен ответить?». Желаящим разобраться Огарков предлагает... посмотреть в зеркало. И себе тоже. Признавая, таким образом, и свою ответственность за перемены не в лучшую сторону.

Думаю, он напишет о том, почему так случилось, в будущих книгах.

Ибо настал возраст осмысления прожитого и совершённого, а опыта, тем более опыта преодоления, Владиславу Огаркову не занимать.